

DOI 10.32726/2411-3417-2019-2-7-21

УДК 94; 327,5

Наталия Нарочницкая

Крым в исторической судьбе России

Аннотация. *Пятилетняя годовщина возвращения Крыма в состав России побуждает к трезвой оценке значения этого акта. Что же такое Крым — этот небольшой полуостров почти на стыке Европы и Азии? Почему вопрос о нем должен рассматриваться как предмет жизненно важных интересов России? Каково геополитическое значение Крыма? Что делало его предметом и местом исторических столкновений? Чтобы оценить то, что грозило бы России, если бы не демонстрация национально-государственной воли в 1914 г., надо бросить панорамный взгляд на роль региона и формирование мировых геополитических устремлений держав за несколько веков.*

Ключевые слова: *Крым, Россия, Черноморский регион, Черноморские проливы, Средиземноморье, цивилизационное равновесие, геополитическое значение, геополитический баланс, Восточный вопрос.*

Пятилетняя годовщина возвращения Крыма в состав России побуждает к трезвой оценке значения этого поистине эпохального национально-государственного акта, показавшего силу и дух русского народа и мощь национально-государственной воли руководства страны. Что же такое Крым — этот небольшой полуостров почти на стыке Европы и Азии?

Почему вопрос о нем должен рассматриваться как предмет жизненно важных интересов России? Каково геополитическое значение Крыма? Что делало его предметом и местом исторических столкновений? Почему значение Крыма во всей полноте понимали русские люди, от простого матроса до адмирала, проявившие беспримерную доблесть и самоотверженность в двух великих оборонах Севастополя и навеки сделавшие его городом русской славы и опорной вехой в русском национальном и историческом сознании?

Почему утрата Крыма и Севастополя в момент развала СССР была воспринята российским обществом как трагедия и несправедливость, но с таким удовлетворением была встречена «извечными» соперниками исторической России? Почему Украина после Беловежского «сговора» стала спешно разрушать все договоренности о Черноморском флоте? Почему после антигосударственного переворота на Украине в 2014 г. русскому населению Крыма грозило полное подавление его идентичности, а России — утрата ее многовековой военно-морской твердыни, что означало бы критическую смену всего баланса сил в Черном море и катастрофу для русской истории?

Сведения об авторе: *НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна – президент Фонда исторической перспективы, доктор исторических наук; nn@stoletie.ru.*

Почему возвращение Крыма в «родную гавань» вызвало такое воодушевление в России, выявив невиданный потенциал национального единения? Почему утрата Крыма киевским режимом вызывает такую истерику у украинских русофобов, готовых скорее смириться с отпадением востока Украины, чем с потерей этой геополитической позиции?

Наконец, почему США и НАТО, элита, доминирующая на авансцене европейской политики, не могут смириться с восстановлением Россией статуса великой державы? И это стало очевидным именно после возвращения Крыма и Севастополя — военно-морской твердыни, закрепившей трехсотлетнюю работу России на Юге. Почему главное внимание противников России, готовых, как в годы Революции и Второй мировой войны, перетянуть в свои орбиты территории и регионы многовекового влияния России, приковано, прежде всего, к морским рубежам России — Балтике и Черному морю?

Чтобы оценить то, что грозило бы России, если бы не демонстрация национально-государственной воли в 1914 г., надо бросить панорамный взгляд на роль региона и формирование мировых геополитических устремлений держав за несколько веков, даже тысячелетий. Именно такой анализ исторически преемственных констант объясняет происходившие в последние четверть века бурные явления в мировой политике, когда на глазах развернулся очередной масштабный передел мира. И опять, как и 200–300 лет назад, главные сценарии развиваются в регионе Черного и Средиземного морей.

Нелишне привести малоизвестные, но чрезвычайно меткие суждения о константах мировой политики с древнейших времен, сделанные еще более века назад русской школой политической географии, свободной от этноландшафтного мистицизма, детерминизма и социал-дарвинизма немецкой геополитики с ее завоевательным пафосом. Русские аналитики, опираясь исключительно на эмпирический и исторический материал, не прибегали к искусственным построениям, но философски обобщали мировые процессы, отмечая, но и не абсолютизируя межцивилизационное соперничество — блестящий панорамный анализ великих исторических амбиций [Снесарев; Семенов-Тян-Шанский; Ламанский; Южаков]. Его вполне подтверждает и геополитический рисунок нынешнего передела мира, повторяющего в начале XXI в. устремления прошлых веков, многократно усиленные задачей поставить под контроль мировые ресурсы и стратегические подступы к ним.

В докладе Русскому географическому обществу в 1912 г. В.П. Семенов-Тян-Шанский выделил несколько регионов, названных им «средиземными» морями, а именно: Средиземное море с Черным морем, Балтийское море, водная система Китайского и Японского морей, а также Карибское море и Мексиканский залив. Он подметил, что вокруг этих морей в течение всей истории происходили серьезные конфликты между динамичными государствами, ибо контроль над специфическим географическим пространством давал шанс диктовать свою волю другим и ограничивать их развитие, торговлю, безопасность.

Именно Средиземное море вместе с Черным, указывал Семенов-Тян-Шанский, является «наиболее вдавшейся в материк бухтой Мирового океана», «кольцеобразный контроль» за обоими побережьями которой потенциально дает роль «господина мира» [Семенов-Тян-Шанский, с. 9–12]. Действительно, вокруг Средиземного моря уже тысячи лет назад велись войны, что отмечал и теоретик военно-морского дела и историк адмирал Альфред Тайер Мэхэн. В своей нашумевшей работе «Влияние морской силы на историю», которую буквально «пожирал» кайзер Вильгельм перед Первой мировой войной, этот теоретик военной морской силы писал: «В силу ряда условий Средиземное море сыграло в истории мира и с торговой, так и с военной точки зрения большую роль, чем всякое другое водное пространство того же размера. Нация за нацией боролась за контроль над ним, и борьба продолжается и теперь» [Мэхэн, с. 271].

Еще во времена Древнего Рима Средиземноморье было ключом к непрерываемому могуществу, и Рим только после III Пунической войны, окончательно победив Карфаген, заняв оба побережья, стал «господином мира» своей эпохи.

С тех пор до нашего времени все, кто стремится к мировому господству, повторяют попытку контролировать и держать в поле своего влияния побережья Средиземного и Черного морей. Через несколько веков после павшего Рима это повторили арабы, удерживавшие контроль над Средиземноморьем в течение нескольких веков, затем Османская империя. В Новое время создать кольцеобразную систему пробовал Наполеон, который посягал одновременно на европейское и африканское побережья Средиземного моря и преуспел бы, если бы не покусился по наущению своей соперницы Англии на Россию. Смысл Венского конгресса 1815 г. среди прочего состоял в закреплении хотя бы на время равновесия с помощью множественного присутствия держав в Средиземном море.

Если экскурсии в историю и ссылки на Рим и Карфаген могут кому-то показаться экзотическими упражнениями, то современное международное морское право четко подтверждает особенность Черного моря, которая делает позиции в нем критическими для безопасности и развития прибрежных государств.

Что такое Черное море в современных правовых, военно-стратегических и географических критериях? Почему, выйдя к Причерноморью, Россия в силу критических интересов безопасности обязана была заложить военно-морскую твердыню — Севастополь, и почему беспрепятственный и гарантированный проход через Проливы есть определяющий критерий ее безопасного существования?

По классификации Конвенции по морскому праву, Черное море принадлежит к так называемым «полузамкнутым» морям [См.: Словарь... с. 62]. Большинство мировых проливов, в отличие от Черноморских, представляют собой «естественные узости» между побережьями материков или островов единого океанского водного пространства, в обоих направлениях открывающие путь в Мировой океан. Режим мореплавания по таким проливам правомерно регулируется международными конвенциями. Но Черное море, будучи частью Мирового океана, является «тупиком», сформированным

побережьями черноморских государств, выход из которого чрезвычайно узок. Проход в Черное море не является путем в другие части Мирового океана для достижения других морей и частей света — это доступ лишь к побережьям нескольких стран. Выход же из Черного моря является для этих стран единственным (или одним из немногих) проходом в Мировой океан и к другим частям света. Любое изменение соотношения сил в регионе может привести к критическому ущербу для военного мореплавания и безопасности черноморских держав и возможности запереть им выход в Мировой океан, перекрыть, как говорил А.М. Горчаков, «легкие державы».

К этому-то и стремилась в течение почти двух веков далекая от Черного моря Британия, вмешиваясь в отношения России с остальными черноморскими странами, не допуская никаких соглашений здесь без своего участия и препятствуя любому, не только военному, но политическому присутствию России в Средиземноморье, что проявилось во время Берлинского конгресса 1878 г., в годы Второй мировой войны, в ходе агрессии против Югославии в 1941 г. И в XXI в. сохраняет справедливое меткое суждение Н.Я. Данилевского о смысле контроля над Проливами для Англии и западных держав: «Вся польза от обладания Константинополем ограничивалась бы для них тем вредом, который наносился бы этим России» [Данилевский, с. 311, 317]. Германия еще за 20 лет до Первой мировой войны полагала необходимым отбросить Россию от двух позиций, сделавших ее великой державой — «от Балтики и от Понта Евксинского» как писал будущий канцлер фон Булов, развивая эту идею. Старейший Бисмарк оставил на полях заметку: «Столь эксцентричные эскизы не следует оставлять на бумаге!» [Цит. по: Die geheime... s. 213–216.]. Кайзеровская Германия в преддверии Первой мировой войны пожелала осуществить схему сплошного континентального движения на восток и юг, этакий одновременный «Дранг нах Остен унд нах Зюден» к Средиземному и Черному морям. Это неизбежно повлекло за собою провал всего германского плана в Первой мировой войне, поскольку задело Великобританию и толкнуло ее на сближение с Россией в рамках Антанты.

Можно продолжить список примеров ключевого значения Черноморско-Средиземноморского бассейна в античной и новой истории, данный В.П. Семеновым-Тянь-Шанским в его докладе Русскому географическому обществу в 1912 г. Именно на полный контроль Средиземноморского региона были нацелены амбиции Италии, требовавшей еще в Версале порт Фиуме (ныне г. Риека в Хорватии). Ее аппетиты возросли при Муссолини, чья доктрина *mare nostrum* относилась как к Адриатическому морю, предполагая контроль над далматинским и албанским побережьями, которые Италия оккупировала, так и к Средиземноморью в целом (идея Триполитании), что тоже сталкивало ее с Британией.

В годы Революции и Гражданской войны в России британцы немедленно оккупировали железную дорогу от Баку до Батуми, а корабли Антанты вошли в Одессу. Если в период Первой мировой войны Великобритания бдительно следила за тем, чтобы Россия в итоге не обрела бы влияния на территориях распадающейся Австро-Венгрии, и лелеяла надежды отторжения от России Кавказа, то в ходе Второй мировой войны Лондон делал все, чтобы СССР не получил опоры в регионе Черноморских проливов

и в Южной Европе. Британия упорно предлагала И. Сталину второй фронт («правофланговое наступление») на Балканах и вела операции против Италии ради присутствия и контроля в Средиземноморье. Когда И. Сталин в конце переговоров «большой тройки» в Тегеране заговорил о Дарданеллах и пересмотре Севрского договора с Турцией — о возвращении Карса и Ардагана, полученных Россией по Берлинскому трактату 1878 г. и оккупированных Турцией в 1918 г., У. Черчилль счел этот вопрос «несвоевременным». Наконец, Британия высадилась в Греции для контроля над Проливами и для того, чтобы не допустить грядущего прихода к власти в регионе просоветских коммунистических сил. На переговорах В. Молотова и Э. Бевина в сентябре 1945 г. британский министр откровенно передал, что Британия не хочет допустить СССР в Средиземное море, опасаясь «как бы чего не случилось в Средиземном море, что разделило бы Британскую империю на две части» [АВП РФ...].

Именно Черное море было окружено американскими базами в русле реализации «доктрины Трумэна» и стратегии «сдерживания» СССР. Налицо многовековая геополитическая реальность, Восточный вопрос: Черноморские проливы, контроль над Суэцким каналом, категорическое «нет» присутствию Советского Союза в Средиземноморье, предотвращение его альянса с балканскими странами, прежде всего Грецией.

Возобновившееся после краха СССР давление на Россию на Балтике и в Черном море с целью минимизировать ее роль и вытеснить ее из черноморского и средиземноморского баланса, подтверждает суждение П. Семенова-Тян-Шанского, что «не произошло таких геологических переворотов, которые могли бы сколько-нибудь существенно изменить значение этих морей и их побережий» [Семенов-Тян-Шанский, с. 9–12].

Сегодня северное побережье Африки, Аравийский полуостров, Ирак и Иран, Персидский залив, Иран и российское Предкавказье рассматриваются в анализе глобальных ресурсов как энергетический «стратегический эллипс». Открытие запасов нефти на рубеже XX — XXI вв. многократно повысили военно-стратегическое значение морских подступов к ним и прилегающих территорий. К этим территориям относятся прежде всего побережья черноморских стран, среди коих Крым является стратегической точкой, важной для баланса. Неслучайно во многих государствах этой зоны, особенно по периметру российских границ, либо произошли цветные революции, приведшие к власти прозападные режимы, либо осуществлено открытое военное вторжение (Ирак, Афганистан, Ливия).

* * *

Вся история Черноморско-Средиземноморского региона — это история столкновения, экспансии и взаимодействия цивилизаций.

Роль России в мировом соотношении сил цивилизаций и представляющих их государств окончательно сформировалась только по завершении и закреплении ее географического положения. Только крупные государства, имеющие военно-стратегически обеспеченные выходы к морю, становятся державами — государствами, которые

в силу совокупности различных внутренних и внешних факторов играют значительную роль в мировой политике и являются системообразующими элементами системы международных отношений своей эпохи.

В приближении Руси к Черному морю и Крыму в течение веков происходило само становление русской православной государственности во враждебном окружении других цивилизаций с сильным имперским духом — Оттоманской империи и империи Габсбургов, покорившей балканских славян. России же суждено было стать опорой и стержнем славянского православного мира с его нелегкой судьбой на стыке цивилизаций.

За несколько веков до нашей эры Крым, или Таврида, был населен множеством этносов и племен. Географическое положение делало этот полуостров перекрестком важнейших торговых и военных путей, что приводило туда все новые народы и вело к частой смене цивилизаций. Тавры, скифы, греки, армяне, евреи, воинственные кочевники и мирные торговцы — все они оставили свой след в истории Тавриды, создав Скифское, Боспорское и Херсонесское государства. Просуществовав около шести веков, и они уступили место другим, пав под напором гуннов, готов, аланов. Лишь Херсонес сохранился, став местом встречи Древней Руси и Византии. Именно через Тавриду начал, по преданию, свой путь апостол Андрей Первозванный.

Его путь, но уже в обратном направлении, повторили славяне, когда шли «из варяг в греки», приближаясь к Причерноморью, которое было захвачено хазарами. В Тавриде славяне познакомились и с проповедниками христианства, просветителями святыми Кириллом и Мефодием. И, наконец, в Тавриде, в Херсонесе, приняли крещение русские князья Аскольд и Дир, совершавшие поход на Царьград.

Именно на Крымской земле князь Владимир крестился и обвенчался с сестрой византийских императоров — царевной Анной. К этому времени в Тавриде уже существовало основанное Святославом удельное княжество — Тмутараканское, благодаря чему после разгрома Хазарского каганата полуостров стал сферой влияния русских князей. Русь освоила выход к Черному морю, наладились прочные связи Новгорода и Киева с Византией. Центром таких связей и была Корсунь (Херсонес) в Тавриде. А после появления Тмутараканского княжества Понт Эвксинский (греческое название Черного моря) стали называть «Русским морем», Азовское — «Сурожским». Наступила золотая эпоха Киевской Руси, которая в течение двух веков успешно отражала набеги половцев, позволив им в Тавриде занять лишь небольшой кусочек земли возле нынешнего Судака.

Но в то время как в Европе шло формирование христианских государств, в Азии пробудились новые силы кочевников, пришедших на сей раз из Великой Монголии. В начале XIII в. в устье Днепра вторглась мощная боевая конница и отрезала Тавриду от христианского мира, дав ей новое название «Кырым» и сделав ее улусом Золотой Орды. Много славян было погублено, полонено, продано в рабство, а древний цветущий Херсонес, выросший к XIII в. в крупный православный культурный и торговый центр, разграблен, а потом и разрушен.

Вскоре под ударами Батыя пали и были разорены дотла Коломна, Владимир, Суздаль, Ростов, Ярославль, Кострома, Тверь... В 1240 г. печальная участь постигла «мать городов русских» — Киев. Обескровленная Русь вынуждена была перенести свои святыни и твердыни на север — через Владимир в Москву. «Корсуньская страна» — Таврида, ставшая «Крымом», надолго превратилась в главную силу грабительских набегов золотоордынцев на север и северо-запад Руси.

В 1453 г. Константинополь был взят турками, и центр православия переместился в Москву, наследницу Византии. В лице православной Московии Европа обрела на Востоке свой новый духовный вызов в борьбе против Азии. Начался новый виток истории Восточного вопроса, в котором Крыму опять принадлежала роль узла силовых линий.

Православной Руси приходилось постоянно бороться на два фронта. На Востоке это была Азия, представляемая сначала языческой, а потом мусульманской Ордой и ее ханами. На Западе — «латинская» Европа в лице шведских и немецких рыцарей-крестоносцев и польско-литовского государства, захватившего и окатоличившего западные княжества Руси. Святой Благоверный князь Александр Невский одним из первых понял «евразийское» предназначение Руси, спасительное для ее духа и примирявшее в лице России Европу и Азию.

Однако путь к такому равновесию был долог. Он пролегал через Куликовскую битву и стояние на реке Угре. Он вел через смуту к изгнанию поляков из оскверненного ими Кремля и постепенному вытеснению их из древнерусских западных княжеств, к освобождению Киева — «матери городов русских». Этот путь объединил «православных россов» — русских, белорусов и украинцев в одной общей судьбе, сделав их неуязвимыми от духовно агрессивной «латинской» Европы и от истощавшей Русь материально «Азии».

Переяславская Рада, воссоединившая в 1654 г. Украину и Русское государство, завершила период, когда десятки тысяч украинских беженцев спасались в Московии от принудительного окатоличивания и полной колонизации. От своих претензий на Киев Речь Посполитая отказалась лишь через 32 года (по «Вечному миру» с Польшей). В этом договоре Русское государство признавалось заступником оставшихся на территории Речи Посполитой украинцев и русских, а также обещало полякам направить свое войско в Крым для защиты своих и польских земель, страдавших от опустошительных набегов Крымского Ханства — вассала Османской Турции, нового носителя «азиатского духа».

Раздвигаясь на Запад и Восток, Россия расправляла плечи. Но прочно встала она на ноги, лишь вернув себе южную опору — Тавриду. Для первых успехов на южном направлении в продвижении к Черному морю понадобились талант и воля молодого Петра I, прекрасно осознавшего геополитические нужды России. Этот путь занял еще полтора столетия и сделал Г.А. Потемкина — Таврическим, А.В. Суворова — Рымникским, П.А. Румянцева — Задунайским, Н.Н. Муравьева — Карским. Не случись этого, быть бы сейчас молдаванам, грузинам, армянам — персами и турками.

Крым и Черное море — это место соприкосновения мира Востока и мира Запада, латинского Запада и православной ойкумены. Поэтому для России историческая задача обеспечить прочность своих границ в Черноморско-Кавказском регионе была и остается не только вопросом военной безопасности. Это средство и условие успешного выстоявания между агрессивными и динамичными цивилизациями, опора в достижении равновесия между ними. Равновесие же обеспечивает некоторое усмирение цивилизационной экспансии.

Историк С.М. Соловьев называл мировым восточным вопросом протянувшееся сквозь тысячелетия историческое взаимодействие и соперничество Европы и Азии как миров со своими смыслами. **«Восточный вопрос»** появился в истории с тех пор, как европейский человек осознал различие между Европой и Азией, между европейским и азиатским духом... Ожесточенная борьба проходит чрез всю европейскую историю, проходит с переменным счастьем для борющихся сторон; то Европа, то Азия берет верх» [Соловьев, с. 57]. Н. Данилевский понимал под «восточным вопросом» соперничество в ареале византийского пространства, прежде всего, России и латинского Запада на фоне давления Османской империи.

Для России, в силу ее географического положения, борьба миров и поиск равновесия между разными началами составляли смысловое содержание ее истории. Веховыми событиями в этом процессе, занявшем несколько веков, стали выход России к Причерноморью и ее окончательное закрепление в Крыму, начавшееся еще тысячу лет назад. Найденный баланс возымел мировое значение.

Расшатывание баланса не только немедленно ведет к усилению военно-государственного давления, но и провоцирует духовный, религиозный и идейный экспансионизм. Примером может служить и втягивание балканских славян в орбиту «евроатлантического» мира, и пристальное внимание США к Украине, которые в значительной мере являются архитекторами нынешнего украинского кризиса. Это и драма донецкого и луганского регионов, восставших против насильственной смены своего исторического и цивилизационного кода и не пожелавших подчиниться русофобской стратегической линии элиты, овладевшей властью и информационным пространством Украины. В этом эпохальном историческом противостоянии точкой приложения силы во всех ее смыслах становится Крым.

Географическое расширение и закрепление на морях было для России закономерным условием выживания. Кавказ и Крым принадлежат к таким геополитическим точкам, которые определяют соотношение сил во всем ареале Южной Европы и Малой Азии. Ни Европу, ни Турцию не волновало освоение русскими Ленской губы, но выход России к Черному морю превратил регион в предмет весьма заинтересованного участия и беспардонных интриг Европы. На пороге Нового времени постоянным подстрекателем Крыма и горцев Кавказа против России были поляки, которые до всяких разделов Польши в течение четырех столетий (XIII-XVII вв.), с Болеслава Смелого до Сигизмунда, неустанно давили на Русь. Польша, захватившая Галицию в середине XIV в., видела в султанах и Крымском ханстве потенциальных союзников в борьбе за Мало-

россию. Франция, особенно при Наполеоне, мечтавшем контролировать оба побережья Средиземного моря, рассматривала Россию как соперницу на Востоке, была заинтересована в доминировании Порты на Черном море и была весьма активна против России на южном направлении.

Не желая осложнений с державами и понимая, какой язвой был Кавказ, Павел I на рубеже XVIII–XIX вв. не хотел окончательно оформлять присоединение Кавказа и Закавказья, предпочитая «устойчивую «горскую федерацию» — буфер, способный выстоять против «покушающихся врагов». После присоединения Крыма и вхождения Грузии стало ясно, что удержаться в качестве черноморской державы, не имея в тылу Кавказ, для России невозможно.

В 1774 г. был заключен Кючук-Кайнарджийский мирный договор, по которому Крым становился независимым от Турции, а в 1783 г. «полуостров Крымский, полуостров Тамань и вся Кубанская сторона были приняты под Державу Российскую» [Кючук-Кайнарджийский... Высочайшей...]. Еще полтора столетия понадобилось для того, чтобы баланс сил окончательно установился, чтобы Европа примирилась с новым геополитическим положением Российской империи. И хотя Россия, выйдя к Причерноморью и укрепившись в нем, спасла Европу, ибо турки уже стояли в Вене, — та в Крымской войне попыталась лишить Россию ее статуса Черноморской державы. Но «Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, как неблагодарна», — писал обладавший удивительным историческим чувством А.С. Пушкин. С момента утверждения России на Черном море, с момента принятия Крыма «под державу Российскую», подрыв российских южных рубежей стал константой стратегии «владычицы морей» Британии.

В 1833 г. был заключен Ункяр-Искелесийский договор России с Турцией о совместном контроле Проливов. Это так и осталось кульминацией дипломатических успехов России на Ближнем Востоке в XIX в., о повторении которой мечтали в русском внешнеполитическом ведомстве в годы Первой мировой войны. Договор между двумя единственными тогда черноморскими державами, достигнутый дипломатическими, а не военными средствами, фиксирующий статус-кво и не нацеливающий на чужие территории, вызвал «негодование» Франции и Англии, которые в ноте к Турции заявили об отказе с ним считаться и начали создавать коалицию, втягивая в нее Австрию. Русско-турецкий договор 1833 г. наглядно показал западным державам перспективу закрепления России в геополитически важном регионе, дав старт движению к Крымской войне. Именно тогда Англия принялась открыто помогать горцам Кавказа против России. У берегов Черного моря была застигнута британская шхуна «Виксен», выгрузившая оружие для «черкесов».

Крымская война, начавшаяся под предлогом спора о ключах от Святой земли, имела целью отбросить Россию от Черного моря, что антирусской коалиции на время удалось посредством тяжелых условий Парижского трактата. Понадобилось два десятилетия искуснейшей дипломатии блистательного князя А.М. Горчакова, чтобы преодолеть последствия Парижского мира, по которому Россия была лишена права иметь Черномор-

ский флот и даже береговые укрепления — так называемая нейтрализация Черного моря, удивительно похожая на ситуацию, к которой могло привести бездействие России в 2014 г. [см.: Нарочницкая Л.И.]. Знаменитый циркуляр русского канцлера 1870 г. вернул России ее утерянные права.

Недальновидная «англо-французская» Европа поплатилась за унижение России появлением новой мощной европейской силы, объединенной под эгидой Пруссии, — Германии. Русско-германское сотрудничество, возможно вынужденное, дало взаимную поддержку этим двум державам в важнейших для них вопросах. После этих событий Восточный вопрос, конкретизированный в XIX в. как вопрос о Черноморских проливах, постепенно утратил в Европе свою остроту.

Тем не менее Берлинский конгресс после отмены нейтрализации Черного моря и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. стал вехой, которая объединила все западноевропейские силы единой целью уменьшить значение русской победы. Европа впервые проявила себя как политическое целое против России. Крупнейшие лидеры европейской политики и дипломатии — Р. Солсбери, О. Бисмарк, Б. Дизраэли встали общим фронтом, хотя в этой войне, давшей независимость Болгарии, Румынии, Сербии и Черногории, единственным территориальным призом России была Добруджа, которую Россия отдала Румынии взамен на отобранную у нее ранее по Парижскому трактату часть Бессарабии.

Судьба православной цивилизации на стыке Европы и Азии прямо связана с превращением Русского государства в Россию, которая выполнила историческую миссию хранителя равновесия между Европой и Азией, между европейской и восточными цивилизациями, именно благодаря тому, что стала великой державой с выходами к трем океанам. Русь стала Россией благодаря выходам к морям и окончательному закреплению в Крыму, который явился необходимым географическим элементом, имевшим глобальное значение в расстановке государственных сил, определивших равновесие цивилизаций.

Советский Союз, сохранивший территорию Российской империи и, главное, ее стратегические географические рубежи (прежде всего выходы к морю), продолжал выполнять эту внешнюю функцию — держателя равновесия между Западом и Востоком. С этой точки зрения распад СССР явился по существу «пазд РаспаджРасчленением» исторической России, существовавшей 70 с лишним лет в форме СССР, как с радостью охарактеризовал это событие Зб. Бжезинский. Последовало неизбежное соперничество за российское наследство, мир пришел в движение. Наиболее драматичные для народов проявления этот процесс имел по периметру нынешних границ Российской Федерации. Одним из самых разрушительных последствий распада единого государства стало одномоментное превращение внутренних административных границ в международные. Тем самым были закреплены волевые решения бывших партийных инстанций, кроивших территории без всякого учета мнения народов, и созданы очаги напряженности и конфликтов.

И опять особое место в этом ряду занимает Крым. Его передача от России к Украине в 1954 г., антиконституционность которой, как и отсутствие юридической силы у соответствующего решения Президиума Верховного Совета (ВС) РСФСР, были признаны Постановлением ВС РФ N2809-I от 21 мая 1992 г., уже закладывала предпосылки грядущих потрясений и возможного нарушения геополитического баланса в бассейне Черного моря. Тем более, что Севастополь был указом 1948 г. выведен из состава Крымской области и сделан городом республиканского подчинения РСФСР, то есть не передавался вместе с Крымом в 1954 г., что четко было декларировано в постановлении ВС РФ № 5359-I от 9 июля 1993 г. «О статусе города Севастополя» [Постановление...]

Не существует иных международно-правовых актов, определяющих статус Крыма, кроме русско-турецкого мирного договора 1774 г. (Кючук-Кайнарджийского), акта 1783 г., согласно которому «полуостров Крымский, полуостров Тамань и вся Кубанская сторона приняты под Державу Российскую» и закрепившего это положение Ясского мира 1791 г. На протяжении прошедших с тех пор более 200 лет они никогда не ставились под сомнение международным сообществом и не отменялись. Не отменила их и передача Крыма Украине в 1954 г., событие исключительно внутригосударственной жизни СССР — преемника Российской империи, а стало быть, и ее прав по Кючук-Кайнарджийскому и последующим договорам.

Крым никогда не был предметом спора с Украиной. Он был в составе Советской России до договора 1922 г. о создании СССР, он был в составе России и по Брест-Литовскому миру. Украинским его сделали лишь по «Беловежскому миру», который с юридической точки зрения является более чем сомнительным.

Проведение Украиной референдума о независимости 1 декабря 1991 г., последовательное разрушение ею даже тех форм общности и преемственности по отношению к союзному государству, которые первоначально предусматривались Беловежскими, а затем Алма-Атинскими соглашениями, качественно изменили ситуацию. Отсутствие государственной воли у руководства и элиты начала 1990-х годов, их зависимость от поддержки зарубежных спонсоров и неустойчивое положение в охваченном смятении обществе, эйфория инфантильного «нового мышления», лишенного всякого понимания закономерностей мировой политики, не давали шансов «новой» России поставить вопрос о Крыме. На повестке дня было установление «западной демократии», которая якобы должна была снять все проблемы и противоречия и освободить национальные интересы от груза «имперских амбиций».

Но главные преемственные составляющие прочности, незыблемости государства, безопасности его национальных интересов, его мощи гораздо менее, чем тогда представляли, зависят от демократии или иного типа режима, которые скорее окрашивают методы реализации задач, чем их содержание. Это прежде всего компоненты, связанные с географическим положением страны: наличием незамерзающих портов и выходов к морю, судоходных рек и конфигурации границ. Это геополитическое положение государства; то, какие страны и цивилизации его окружают, какова их традиционная политика и военная сила, склонность вступать в союзы той или иной направленности,

наличие между ними конфликтов и их перспективы. Эти компоненты одинаково важны и для монархии XVIII в., и для республики XXI в., и для тиранического режима, и для самого демократического правового государства.

Разве «новым мышлением» руководствовалась Великобритания, когда ее военная эскадра шла к Фолклендским островам, деколонизации которых по принципам Устава ООН потребовала Аргентина? Разве не «старое мышление» демонстрирует Япония, с упорством отстаивая свой территориальный интерес? Наконец, каким мышлением руководствуется американское правительство, объявляющее Прибалтику зоной стратегических интересов США? Почему США заявили о своем признании Грузии, не дожидаясь даже легитимации там новой власти, утвердившейся отнюдь не конституционным и демократическим путем? Разве ими двигало не стремление скорее закрепить выгодное для них расчленение огромной державы и утвердить свое влияние в стратегическом Черноморском регионе, который был недоступен раньше?

Главный удар и давление сразу были направлены на морские рубежи, некогда сделавшие Русь Россией. Отделением Прибалтики она была возвращена к положению «до Ливонской войны». На повестке дня стояла задача вернуть ее к положению «после Крымской войны» — лишить Черноморского флота.

Не случайно во время Крымской войны лондонская «Таймс» писала, что главная цель политики и войны не может быть достигнута до тех пор, пока будут существовать Севастополь и русский флот [Цит. по: Шавшин, с. 8]. Военно-морская твердыня, заложенная Петром Великим, воспринималась «владычицей морей» как центр могущества на юге империи, разрушение которого вызовет и постепенное разрушение и всего здания, сооружением которого Россия занималась сотню лет.

Сразу после 1991 г. стало достаточно очевидно, что Украине «ропуск» СССР нужен был для того, чтобы, взяв контроль над частью ранее общесоюзной армии и захватив Черноморский флот, закрепить свои необоснованные претензии на Крым. Просто выйдя из Союза, Украина не могла бы претендовать на флот и на Севастополь. При этом Киев, безусловно поощряемый Западом, сначала негласно, затем вполне открыто, последовательно демонстрировал решимость дистанцироваться от России, опрометчиво рассчитывая, что Россия будет вечно мириться с критическим ущербом ее безопасности, а русские в Крыму и на востоке Украины — с нарастающим ущемлением своих основополагающих прав.

Настойчивость и скорость, с которыми Киев нарушал дух и букву основополагающих документов СНГ, показывали, насколько Украина ощущала ущербность своих прав на Крым, в силу абсолютно очевидной неконституционности указа 1954 г. о передаче ей полуострова. Зависимые от поддержки националистов, украинские властные элиты чувствовали, что в исторической перспективе Россия неизбежно осознает свои национальные интересы и ответственность за русское население. При этом абсурдная и самоубийственная для Украины стратегия подавления общерусского мировоззрения и русской идентичности народа Крыма и востока Украины, навязанная москвофобской

версией украинства, закономерно привела не к укреплению украинской государственности, а лишь к ее глубокому системному кризису и полураспаду, к безвозвратному размежеванию многосоставного населения Украины, скроенной в XX в. коммунистическим доктринерством.

В 1990-е годы галицийские экстремисты, не имевшие социально-политической базы в Крыму, даже открыто заявляли о необходимости «отдать» Крым крымско-татарским националистам, что способствовало вытеснению с крымской политической сцены лояльных крымско-татарских организаций радикально русофобским меджлисом. Подавление русского языка с угрозой его запрета, дискриминация русского населения Крыма, многократно превышающего по численности всех остальных жителей полуострова, неизбежно вела к точке взрыва, детонатором которого стал антиконституционный переворот в Киеве в ходе второго «Майдана» 2013–2014 гг.

Итогом абсурдной, иррациональной антидемократической и самоубийственной политики Киева стали события 2014 г., когда после государственного переворота народ Крыма, сохранившего свои легитимные структуры, соблюдая необходимые юридические процедуры, провел демократический референдум о своей независимости.

О праве наций на самоопределение ведется немало споров, поскольку это право среди основополагающих принципов провозглашено в Уставе ООН, но его на Западе перестали трактовать как право на отделение, утверждая, что принцип территориальной целостности превалирует. Такая противоречивость в важнейшей сфере отнюдь не смущает сильных мира сего, ибо позволяет применять двойные стандарты в зависимости от политических интересов, о чем высказался публично профессор международного права Гамбургского университета Рейнхард Меркель¹.

Признавая независимость Косово, где не проводилось вообще никакого референдума и откуда до этого в ходе конфликта были изгнаны почти все сербы, западные государства говорят о праве наций на самоопределение. Народу Крыма в этом праве отказывают, несмотря на безупречно проведенные процедуры теми властными структурами, которые легитимно сохраняли конституционный порядок на Украине после переворота в Киеве.

Однако есть условия, при которых право наций на самоопределение начинает превалировать над принципом территориальной целостности, о чем также упоминают юристы. Так происходит в том случае, когда это право сочетается с так называемыми «историческими правами». Если без согласия часть народа отделена от материнского государства и присоединена к другому, но сохраняет исторические, национальные, лингвистические и культурные, ментальные нерасторжимые связи с материнским отечеством, но не имеет возможности продолжать национальную жизнь, то право наций

1 Оригина́л этого материала вышел на немецком языке в газете *Frankfurter Allgemeine Zeitung* под заголовком «Крым и международное право. Отрезвляющая ирония истории» в апреле 2014 года. Перевод с немецкого — А. Кнелъц. [См.: Merkel]

на самоопределение в сочетании с историческими правами превалирует над принципом территориальной целостности. Такое мнение высказывали многие европейские юристы [Tournafond], голос которых слышен все чаще и громче. Примером может служить судьба населения Саарской области, которая была отделена от наказанной фашистской Германии. Франция намеревалась сделать ее протекторатом, однако даже немцам после Второй мировой войны была дана возможность провести плебисцит, по итогам которого Саар вернулся в Германию.

Акт о приеме Крыма и Севастополя в состав России по официальной просьбе законных властных структур этих субъектов государственного права войдет в историю как важнейшая веха в восстановлении Россией своего статуса и своей роли держателя равновесия в важнейшем и вечно беспокойном регионе Черного моря, волны которого поглотили немало русской крови в борьбе за существование российского государства и русской православной цивилизации.

Всегда у противников этой борьбы находилось множество союзников против России — от хазар до турок-османов, англичан, французов, итальянцев и немцев. Но только сильная Россия может быть партнером Европы, слабая же будет рассматриваться как добыча для расхищения. Россия может и должна стать фактором межгосударственной междоцивилизационной и стратегической стабильности, только сохранив и отстояв свои исторически преемственные интересы и морские рубежи.

Литература

АВП РФ. Ф. 0512. Оп. N4. Док. N 304. Папка N 31. Л. 33–63.

Высочайший Манифест о принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны, подъ Российскую Державу. СПб. 1783. — URL: russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1783_04_08_01 (дата обращения: 16.05.2019).

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб. 1995.

Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией. 10 июля 1774 г. // Под стягом России: Сборник архивных документов. М. 1992.

Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб. 1892.

Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю. 1660–1783. (С предисловием проф. Н.П. Полетика). М. — Ленинград. 1941.

Нарочницкая Л.И. Россия и отмена «нейтрализации» Черного моря. М. 1989.

Постановление от 9 июля 1993 года № 5359-1 «О статусе города Севастополя». — URL: <https://clck.ru/HSiXD> (дата обращения: 16.05.2019).

Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии. СПб. 1915.

Словарь международного морского права. М. 1985.

Снесарев А. Индия как главный фактор в Средне-Азиатском вопросе. СПб. 1915.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М. 1959–1966. Т. 13.

Шавшин В.Г. Над «долиной смерти» (Балаклавское сражение). Симферополь. 2002.

Южаков С.Н. Англо-русская распря. Небольшое предисловие к большим событиям. Политический этюд. СПб. 1885.

Die geheime Papiere F. von Holstein. 3 Ausgabe. B.3. Briefwechsel. Göttingen: Musterschmidt-Verlag. 1961.

Merkel R. Die Krim und das Völkerrecht: Kühle Ironie der Geschichte // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 08.04.2014. — URL: faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/die-krim-und-das-voelkerrecht-kuehle-ironie-der-geschichte-12884464.html (date of access: 16.05.2019).

Tournafond O. Le droit des peuples à l'autodétermination. Colloque «Le Kosovo, la Crimée et la confrontation Ouest-Est en Ukraine». 27.05.2014. — URL : idc-europe.org/fr/-/Le-droit-des-peuples-a-l-autodetermination- (date of access: 16.05.2019)